

Что за «вторая ветвь защищает интересы старшей ветви», что за «Чжан Янь действовал из зависти» — всё это чушь! На самом деле это была внутренняя борьба между старшей и второй ветвями семьи Бай, где Чжан Янь был пешкой, он был мелкой рыбёшкой, а Линь Хун стал случайной жертвой.

— Раз это дело уже передано властям, нам не стоит вмешиваться. Подожди, Чжан Яня обязательно сделают козлом отпущения.

— Не вмешиваться? А как же семья Бай?

Сян Юань взял Чжао Шэня за руку и подвёл к кровати:

— Семья Бай — первая семья Наньлина, их богатство, связи и ресурсы намного превосходят наши.

Сказав это, он слегка усмехнулся, и на его лице появилась зловещая улыбка:

— Не волнуйся, даже если мы сейчас не сможем отомстить, вторая ветвь семьи Бай тоже не останется безнаказанной.

— Почему ты так уверен?

Чжао Шэнь, которого подвели к кровати, ещё не осознавал, что происходит. Когда Сян Юань потянулся к его поясу, он даже слегка повернулся, чтобы помочь.

— Потому что Бай Вэньцин слишком высокомерен!

— Высокомерен?

Что это значит? Бай Вэньцин, хоть и высокомерен, всё же член семьи Бай. Неужели вторая ветвь недовольна им? Чжао Шэнь внезапно осознал что-то, и в его душе зародилась догадка.

— Значит, всё это ляжет на Чжан Яня?

— Хм, думаю, его уже задержали. Даже если он ещё не сдал экзамен на цзюйжэня, его звание сюцяя, скорее всего, будет аннулировано.

— Заслуженно! Сам виноват! Подхалимство, грязные методы, из-за него Линь Хун не смог попасть на экзамен, он...

— Тсс, не трать время на этих посторонних!

Сян Юань одной рукой проник под одежду Чжао Шэня, другой крепко обнял его стройную талию и прижался лицом к его шее, горячее дыхание касалось уха.

Чжао Шэнь не смог сдержать дрожь, и его голос задрожал.

— Прекрати! Я говорил, что во время экзаменов нельзя заниматься... этим, иначе это повлияет на удачу.

Сян Юань рассмеялся, и тепло распространилось по всему телу Чжао Шэня, вызывая приятное покалывание.

— Ты что, у слепого гадателя спрашивал?

Лицо Чжао Шэня покраснело.

Он действительно спросил у слепого гадателя!

Слепой жил неподалёку, и люди, жалея его, часто обращались к нему за гаданием, чтобы помочь. Чжао Шэнь тоже решил узнать о судьбе Сян Юаня, просто для успокоения.

— А тебе какое дело!

Чжао Шэнь, увидев, что Сян Юань продолжает смеяться, разозлился и оттолкнул его голову.

Сян Юань обожал, когда Чжао Шэнь краснел и сердито смотрел на него. Он не обиделся, а снова прижался к нему.

— Ладно, ладно, не буду. Ну, а ты потрогай меня, я так соскучился за эти дни.

Чжао Шэню показалось, что он слышит, как его лицо и макушка задымились.

Этот Сян Цунцзы, как он может говорить такие вещи так открыто! Ещё не стемнело, а он уже сходит с ума, настоящий наглец!

Эй, куда ты лезешь?! Мой пояс! Мой халат!

Ммм... ах...

Сян Юань вставил ногу между ног Чжао Шэня, заставив его слегка раздвинуть их. Лево́й рукой он схватил правое запястье Чжао Шэня и прижал к кровати, а правой рукой проник под

одежду, медленно поглаживая живот. Голова снова погрузилась в шею Чжао Шэня, и язык начал нежно лизать, вызывая лёгкую дрожь. Ноги Чжао Шэня ослабли, руки потеряли силу.

— Цзиньянь, Цзиньянь, я так соскучился!

Их одежда была полураскрыта, смешавшись в беспорядке. Слышались прерывистые звуки поцелуев, и вскоре на пол упал небесно-голубой халат, а затем белая нижняя рубашка.

— Ах! Ты совсем рехнулся! Моя нога!

При мерцающем свете свечи на полупрозрачной занавеске отражались две согнутые ноги. В борьбе одна нога высунулась из-за занавески, её кожа была светлее, чем загорелые икры, а пальцы выглядели округлыми и милыми, с розовыми ногтями.

Внезапно ступня напряглась, и из-за занавески раздался сдавленный стон:

— Ммм...

Он был сдержанным, но полным удовольствия.

Чжан Янь вышел из экзаменационного зала, но не успел даже вернуться в гостиницу, чтобы привести себя в порядок, как был схвачен ожидавшими его служащими и доставлен в суд. Услышав, что братец Чжан уже признался, а второй господин Бай взвалил всю вину на него, он был в шоке.

Линь Хун, как пострадавший, должен был дать показания против него. Увидев, как Чжан Янь выглядит потерянным и растерянным, он глубоко вздохнул.

— Ваша честь, я решил не настаивать на обвинениях.

Линь Хун проявил милосердие, и Чжан Янь был лишён только звания сюэя, получив устное предупреждение. Когда он вышел из зала суда и увидел Линь Хуна, он закрыл лицо и молча убежал.

На следующий день Линь Хун получил записку, переданную через Чжан Яня. В ней было только одно слово: «Прости». Линь Хун горько усмехнулся, снова и снова перечитывая эти три знака, но в конце концов решительно поджёг записку, превратив её в пепел.

Как он мог быть таким глупым, верить в сказки о вечной любви!

А в резиденции Бай, как и предсказывал Сян Юань, царило напряжение.

В главном доме семьи Бай, где главой был отец Бай Вэньцзина, Бай Вэньцин, вернувшись с экзамена, был вызван в кабинет для разговора.

— Я рассказываю тебе об этом сейчас, чтобы ты понял одну вещь: «Не обращай внимания на похвалу и критику», только сохраняя спокойствие, ты сможешь продвинуться дальше на пути чиновника.

Бай Чэн поклонился, принимая наставление.

— Я понимаю, и это не повлияет на моё настроение. Но почему дядя поступил так? Мы ведь одна семья.

Отец холодно усмехнулся:

— Если не убрать тебя, как их потомки смогут подняться?

Бай Вэньцин не совсем понимал.

Отец вздохнул. Бай Чэн с детства был умным, воспитывался у деда и перенял его характер: гордость, отчуждённость, полное погружение в книги, без капли коварства или даже намёка на интриги. Каждый раз, видя, как Бай Вэньцин выглядит наивным, отец чувствовал беспокойство.

— Но ведь третий и четвёртый братья уже стали чиновниками? Я даже не сдал экзамен на цзюйжэня, как я могу им мешать?

Бай Вэньцин действительно не понимал. Хотя дядя всегда улыбался при встрече, он чувствовал, что дядя никогда не любил его. Но даже если это так, он никогда не думал, что дядя может причинить ему вред.

— Вэньцин, ты должен понимать, что ресурсы семьи, будь то финансы, материальные блага или связи, ограничены, и их не хватит на всех. А ты — тот, кого дед решил выделить, даже сказав, что семья сделает всё возможное, чтобы помочь тебе стать чиновником. Как ты думаешь, вторая ветвь сможет спокойно это принять?

Лицо Бай Чэна побледнело, он не хотел верить словам отца, но факты были перед ним.

Его действительно подставил дядя.

— Твой дядя хорошо всё рассчитал! Этот грубый план, независимо от результата, навредит твоей репутации. Он сказал, что делает это ради тебя, но на самом деле втянул тебя в эту грязь. Я просто не могу с этим смириться!

— Сян Цунцзы действительно талантлив, я не могу с ним сравниться, и я никогда не испытывал к нему злобы.

— Даже если ты так говоришь, другие уже не поверят. Для внешнего мира мы — одна семья.

Бай Вэньцин молчал, опустив голову.

Когда он впервые услышал слухи, он действительно подумал, что Сян Цунцзы и Чжан Янь пытаются подняться за его счёт. Но позже, узнав, что Чжан Янь и Сян Цунцзы не были близки, он отбросил эти подозрения. Однако то, что Чжан Янь использовал его имя для подсыпания лекарства, было отвратительно!

И дядя, совершив такой поступок, заставил их, старшую ветвь, нести ответственность за скандал, что было крайне раздражающе.

Отец, видя, что Бай Вэньцин молчит, добавил:

— Вэньцин, ты обязательно станешь чиновником, но путь чиновника нелёгок, и без достаточной смелости и ответственности ты не сможешь далеко продвинуться.

Бай Вэньцин вздрогнул, опустил голову. Через некоторое время он поднял её и твёрдо сказал:

— Хотя это не наша вина, но это всё же ошибка семьи Бай. Я лично извинюсь перед ними.

Отец кивнул, и на его лице появилась улыбка:

— Это правильно. Наша семья — семья учёных, мы ценим манеры и мораль. Ты не смотришь свысока на бедных студентов, и это хорошо.

<http://bllate.org/book/15532/1381043>